

прибегать к сопоставительному анализу лишь сходных по жанру произведений. Более того, сопоставление вообще целесообразнее проводить, видимо, в ином плане: оно должно вестись в русле сопоставления жанров, хотя и противоположных, но отражающих специфику внутренней жизни, мировосприятия — словом, культуры в целом каждой из

цивилизаций¹⁶. В этом смысле арабская поэзия вполне могла бы соседствовать с византийской прозой¹⁷.

Н. И. Сериков

¹⁶ Что касается полноты отражения, то это понятие применимо скорее к отдельным авторам, чем к жанрам.

¹⁷ См. об этом: *Canard M. Les sources arabes...*, p. 319.

A. Bryer. *The Empire of Trebizond and the Pontos*. L.: Variorum Reprints, 1980. 366 p.

В книге директора Центра византийских исследований Бирмингемского университета Э. Брайера собрано 13 его работ по истории Понта и Трапезундской империи, вышедших ранее в разных изданиях с 1965 по 1979 г.¹ При выборе материала для книги Брайер руководствовался главной идеей, сформулированной во введении: «Слишком долго Трапезундская империя рассматривалась лишь как экзотический привесок к поздне-византийской истории. На самом деле это только поверхность более интересного и глубокого явления — понтийского регионализма, с его определенными социальными, экономическими и географическими характеристиками, которые как предшествовали Великим Комнинам, так и пережили их» (с. 1). Основная цель автора — показать своеобразие «понтийского феномена» в его историческом развитии с VII (и особенно с XI) до начала XX в. Создавая свою концепцию, суть которой изложена в книге, Брайер обращается к наиболее сложным для решения проблемам, часто предлагает нетрадиционные толкования известных источников и всегда стремится к рассмотрению явлений в широком историческом контексте.

В работе о просопографии понтийско-византийско-сельджукской (а затем и

крымской) династии Гавров Брайер не только собрал многочисленные данные о ее представителях, но и высказал ряд важных суждений о сущности понтийского сепаратизма XI—XIII вв. По его мнению, причиной стабилизации власти Гавров в Халдии было то, что они смогли опереться в основном на местные ресурсы и на понтийских греков, составлявших компактное этническое единство, и, во-вторых, то, что на Понте прочно укоренилась и в модифицированном виде просуществовала вплоть до 1461 г. византийская феменная структура, удивительно подходящая к условиям местности и нуждам обороны ее от сельджуков и затем тюркских племен (III, с. 167—168). Весь период с 1072 г. до середины 60-х годов XII в. отмечен борьбой кочевых тюркских племен (Брайер называет их туркменами в отличие от перешедших к оседлости «турков») с греко-лазским населением Понта. В этой борьбе Гавры и Данишменды были противниками. Но и те и другие имели много общего: они представляли силы сепаратизма, в одном случае направленного против Константинополя, в другом — против Иконийского султаната.

С 60-х годов XII в. начинается двойное наступление: византийских Комнинов, присоединивших Халдию к империи (ок. 1165 г.), и сельджуков, истребивших династию Данишмендов в 1175—1178 гг. (III, с. 169—170)². Историческим парадоксом было то, что вскоре отпрыскам самой Комниновской династии предстояло стать во главе обособившегося от Византии Понтийского государства — Трапезундской империи. Брайер отмечает новый аспект этого явления: вступление Алексея I Великого Комнина в Трапезунд в 1204 г. было одновременно продолжением династического соперничества Гавров и Комнинов, завершившегося полным вытеснением Гавров с Понта. Брайер справедливо указывает в этой связи на то, что Великие Комнины избрали в качестве патрона своего государства св. Евгения, а не гораздо более почитаемого до XIII в.

¹ Книга издана в соответствии с принципами публикаций «Варiorum репринте» (см. о них: ВВ, 1974, 36, с. 204—206; ВВ, 1977, 38, с. 185—191). В сборник вошли следующие статьи Брайера: I. Города Ираклия; II. Экскурсы о Мананалисе, Самосате в Армении и географии павликиан; III и IIIa. Византийская семья: Гавры (ок. 979—ок. 1653); IV. Судьба Георгия Комнина, правителя Трапезунда (1266—1280); V. Греки и туркмены: понтийское исключение; VI. Поздневизантийский монастырь в городе и деревне; VII. Поместья в Трапезундской империи; VIII. Мореплавание в Трапезундской империи; IX. Несколько трапезундских монашеских поминальных записей (1368—1563); X. Лудовико да Болонья и грузинское и анатолийское посольство в 1460—1461 гг.; XI. Туркократия на Понте. Несколько проблем и предварительных заключений; XII. Понтийское возрождение и Новая Греция. В дальнейшем мы указываем в тексте номер статьи и соответствующие страницы.

² К сожалению, в статье не учтены две важные работы Ф. И. Успенского: Мелик Гази и Дзун-Нун Данишменды. — ЗООИД, 1879, XI, с. 229—268; Выделение Трапезунда из состава Византийской империи. — СК, 1927, I, с. 21—34.

вождя борьбы с мусульманами мученика св. Феодора Гавры³.

Брайер считает географические и этнические факторы в известной мере определяющими в долгой истории Понта: «Политические границы Понта были только замаскированы римской и византийской властью»; размеры и местоположение античных, средневековых и относящихся к периоду до XIX в. греческих поселений были обусловлены рельефом местности, землепользованием и климатом зоны (III, с. 166; V, с. 117—122; XI, с. 33—36). 7 речных долиин Понта являются его главными военно-административными единицами, бандами. По хребту Понтийских гор, по высокогорным пастбищам-яйлам шла естественная граница мира кочевников и оседлого греческого населения. На яйлах, в контактной зоне, их встречи нередко заканчивались военными столкновениями, и внешняя история Понта в известной мере есть борьба за эти территории двух миров, все более входящих в тесное общение, особенно после начавшегося в конце XIII в. интенсивного проникновения туркменов на территорию Понта. Брайер детально и тщательно проследил все этапы этого процесса в статье, названной им «Греки и туркмены: понтийское исключение». Исключение потому, что Понт был единственным регионом Анатолии, успешно выдержавшим натиск турков с XI по XV в. Благодаря консолидированности региона, благоприятным географическим и политическим факторам, умелой матримониальной политике Великих Комнинов Трапезундская империя в правление Алексея III (1349—1390) ликвидировала туркменскую угрозу (V, с. 137). Более того, в XIV в. Понт был единственной областью в Малой Азии, которая не только не потеряла, но, напротив, основывала епископии (V, с. 141).

Признавая важность географических факторов, как и религиозных (православие, как показано Брайером (V, XI, XII), было хранителем самосознания понтийских жителей в период туркократии), мы бы подчеркнули необходимость более глубокого исследования системы внутренних экономических связей региона. Частично это сделано Брайером в отношении аграрной сферы (VI, VII), однако проблема в целом еще остается нерешенной. Особенно мало известно об эконо-

мической роли понтийских городов, исключая, быть может, лишь сам Трапезунд. Вопрос о внутренней торговле и ремесленном производстве пока только поставлен Брайером⁴. Он полагает, что международная торговля в Трапезунде уступала по значению местной черноморской. Доходы от коммеркиев составляли, по оценке Брайера, 20—30% годового бюджета императоров. Но он считает, что основную часть этой суммы выплачивали трапезундские, а не иностранные купцы (VII, с. 370—371). К сожалению, источники не дают оснований для такого сопоставления, ибо более или менее определенные данные (и то отрывочные) есть лишь об объеме коммеркиев, уплачиваемых венецианцами и генуэзцами, но не греческим населением.

Очевидно лишь, что итальянцы инвестировали большие капиталы в черноморскую торговлю, чем купцы Понта, с которыми они сотрудничали как с младшими партнерами⁵. Но какую долю составлял капитал местных и иностранных купцов на самом трапезундском рынке, выяснить пока сложно. Во всяком случае, при этом необходимо учитывать различные периоды, подъемы и спады, эволюцию черноморской коммерции. Брайер полагает, что трапезундские императоры разочаровались в том, что итальянская торговля станет для них «золотым гусем» (VII, с. 371). Возможно, в первой половине XIV в. они могли переоценить ее доходность. И все же именно трапезундская сторона была инициатором и поборником восстановления торговли с итальянцами в периоды спада экономической активности, и это несмотря на все столкновения с венецианцами и генуэзцами!⁶ Брайер задает вопрос: почему генуэзцы первоначально избрали в качестве «своего» порта Ватицу, а не Трапезунд? (VII, 371). Выбор небольшого поселения к западу от Трапезунда был обусловлен как раз тем, что ной не были допущены в Трапезунд до заключения соглашений с императорами в конце XIII в., а совсем не тем, что Трапезунд был менее удобным портом. Как только генуэзцам удалось закрепиться в столице Великих Комнинов, их фактория здесь стала главной в империи,

³ В этой связи заметим, что трапезундский монастырь св. Феодора Гавры, по всей видимости, не был отдан во владение венецианцев, как утверждает Брайер, в 1364 г. (III, с. 170). Территория, предоставленная для венецианской фактории и бывшая в ее распоряжении короткий срок с 1364 по 1367 г., находилась рядом с монастырем. См.: *Zakythinos D. A. Le chrysobulle d'Alexis III Comnène Empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. P., 1932, p. 34.118—35.138. Подробнее см.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981, с. 59—63.*

⁴ VII, с. 370—372, 414 и др.; *Bryer A. The Latins in the Euxine. — In: XV^e Congrès International d'études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976, p. 12—17.*

⁵ См. об этом: *Карпов С. П. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII—первой половины XV в. — Byzantinobulgaria, 1981, VII, с. 239—245; Он же. Трапезундская империя. . . , с. 36—40; Он же. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города. — ВВ, 1983, 44.*

⁶ См. об этом: *Карпов С. П. Трапезундская империя. . . , с. 57—58, 74—75, 77, 103, 104.*

если не на всем южном побережье Черного моря⁷.

Думается, что сами понятия «международная» и «местная» торговля нуждаются в уточнении. Ведь международной была не только большая транзитная коммерция через Трапезунд — Тавриз, но и внутричерноморская торговля; игравшая все большую роль для итальянцев с середины XIV в. Под местной же логичнее понимать торговлю на территории самой Трапезундской империи, удовлетворявшую потребности местного рынка и понтийского населения. Конечно, местная торговля была всесторонне связана с внутричерноморской. И Брайер вполне справедливо выделяет роль экспорта понтийского вина во все районы Черноморья (VII, с. 377—380)⁸.

Много внимания в книге Брайера уделено особенностям аграрного строя Трапезундской империи. Для него характерно, в частности, отсутствие крупных поместий (за исключением, быть может, императорских). Длительное время на Понте (особенно в Мацуке) сохранялись разные категории свободного и полусвободного крестьянства, существовал архаичный институт аллиенгии. Доля церковного землевладения не была велика, а количество париков в монастырях исчислялось в лучшем случае десятками. Императорские дарения монастырям были весьма скромными и часто происходили из фонда конфискованных у мятежных феодалов земель. Мелкие поместья понтийских землевладельцев формировались за счет скупики гошикея, приусадебных участков. Однако грань между богатым крестьянином и собственно «архонтом» была ощутима: последний имел должность в местном или (реже) центральном аппарате управления (VI, VII). Большой интерес представляет кадастр поместий, составленный Брайером по трапезундским и раннеосманским источникам (VII, с. 427—440).

Брайер дает новую интерпретацию причин гражданских войн в Трапезундской империи⁹. До 30-х годов XIV в. Вели-

кие Комнины широко практиковали раздачу коронных земель в провинию. К 30-м годам их земельный фонд был практически исчерпан и императоры не имели более средств «покупать лояльность» архонтов. С 1332 до 1361 г. в ходе гражданских войн Великие Комнины боролись за возвращение утраченных ранее земель, прибегая к широким конфискациям владений мятежной знати. Восстановление Алексеем III императорского домена — ключ к его победе над соперниками (VI, с. 228—229; VII, с. 418—419). Это наблюдение представляется весьма интересным, хотя, видимо, здесь выделена лишь одна сторона глубокого процесса углубления феодальной раздробленности в середине XIV в., не преодоленной окончательно вплоть до падения империи.

Принимая тезис Брайера о сравнительной «бедности» земельных собственников, мы не стали бы вместе с тем настаивать на том, что сами Великие Комнины были богаты. Бюджет империи всегда был напряженным. А в 1418—1420 гг. — вопреки тому, что утверждает Брайер (VII, с. 420), — Алексей IV как раз не смог уплатить генуэзцам большой суммы военных репараций, даже под угрозой нового опустошительного нападения на территорию империи¹⁰.

Две статьи Брайера посвящены в основном внешнеполитическим событиям. В первой из них (IV) автор дает новую оценку деятельности императора Георгия (1266—1280) и объясняет причины его падения, во второй (X) — обращается к истории «дипломатической» миссии на Запад от восточных монархов, возглавленной авантюристом Лудовико да Болонья¹¹. Брайеру принадлежит также новое издание маргиналий греческого синаксаря XIV в., принадлежавшего, как доказывает ученый, монастырю св. Саввы в Трапезунде (так называемый Синаксарий Перистереоты, ныне в Бодлеянской библиотеке MS Gr. Lit. d. 6) (IX).

В целом книга Брайера — превосходный итог его многолетних исследований по истории Понта и Трапезундской империи, без которой не сможет обойтись ученый, обращающийся к этим сюжетам.

С. П. Карпов

⁷ Там же, с. 90—93.

⁸ Исправим лишь небольшую неточность: в решении венецианского Сената от 30 июля 1440 г. (Archivio di Stato di Venezia, Senato. Misti, LX, f. 236r, Thiriet F. Regestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. P., 1961, т. 3, N 2532) о продаже трапезундскими купцами вина в Тане «ad spīnam» (т. е. оптом) речь шла не о распространении торговых привилегий, данных трапезундцам, на всех остальных купцов, продававших вино в Тане (как в VII, с. 377—378), а наоборот, о запрещении перекупщикам приобретать вино у трапезундцев и продавать его затем, пользуясь льготой, которой располагали только сами трапезундцы.

⁹ См. о них: Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, с. 99—113; Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 1974, 36, с. 87—90; Λαμπίδης 'Ο. 'Ανδρέου Διβαδῆτος βίος καὶ ἔργα. 'Αθήναι, 1975, σ. 184—202.

¹⁰ См.: Карпов С. П. Трапезундская империя. . . , с. 107—108. Вся сумма долга так никогда и не была выплачена.

¹¹ К материалам, содержащимся в этой статье, необходимо добавить две публикации источников, относящихся к Лудовико да Болонья: Bughetti B. Nuovi documenti intorno a fr. Lodovico da Bologna OFM (1460—1461). — Studi francescani, ser. 3a, 1938, anno X (35), p. 128—146; Bargellesi Severi A. Nuovi documenti su fr. Lodovico da Bologna. — Archivum franciscanum historicum, 1976, 69, p. 3—22; а также работу Pragenau M. L., von. Ludwig von Bologna, Patriarch von Antiochien. — Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, 1901, Bd. XXII, S. 288—296.